

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ АГРОСФЕРЫ ¹

П.П. Великий

В статье рассматриваются различные варианты социологического моделирования агросферы как сложносоставной системы, имеющей биоэкологические, технологические, экономические и социокультурные аспекты анализа. Автор анализирует возможности социоструктурного описания сельской повседневности с позиций феноменологии и неовеберизма, обосновывает необходимость отказа от традиционных моделей описания социальной структуры села ввиду глубокой статусной декомпозиции всех групп населения. Показана особая роль способа обеспечения благосостояния как стратификационного признака.

Ключевые слова: агросфера, социальная структура, практики повседневности, социальный статус, способ обеспечения благосостояния, феноменологическая социология, неовеберизм, проектирование агросферы.

Аграрная сфера (агросфера) является сложносоставным относительно целостным образованием, включающим часть биосферы, которая освоена человеком в целях получения продуктов питания. По мере усложнения общества, развития наук углублялось понимание роли биосферных и ноосферных компонентов, а само аграрное производство на земле строилось на все более совершенных орудиях техносферы. «Овладевая в процессе сельскохозяйственной деятельности законами природы и развивая с этой целью технику и технологии – техносферу, человек все более приспособливает биосферу к своим потребностям, частично преобразуя ее. В частности, свойственные последней биоценозы превращаются в оплодотворенные разумом агробиологические, экосистемы в агроэкосистемы и т. д.» [5, с. 154].

Поскольку главной действующей силой в агросфере выступает человек, то и все его социальные измерения проявляются в ней в

полной мере. Как homo-faber, человек работающий, он обрабатывает землю, как человек экономический – озабочен обменом результатами своего труда с собственниками других благ, которые необходимы для жизни, как человек политический – участвует в выборе представительной власти и в акциях самоуправления и т. д. Причем его активность/бездействие во многом определяется предпосылками, которые созданы в тот или иной исторический момент времени. Поскольку именно в низовом секторе, на земле создаются продукты, имеющие стоимостный эквивалент, то к ним постоянно протягиваются жадные до наживы руки, «предпринималась» соответствующая институализация способов изъятия, которая никогда в истории не была справедливой в отношении земледельца.

Соответственно акторы конструируют повседневность исходя либо из солидарности, либо из автономной идентификации, и возникает новая социальная структура, которая (если управление к ней применяет старые подходы) уже на них не реагирует. Следовательно, нахождение основных признаков этой структуры является актуальной задачей социального конструирования. По А. Шюцу важнейшим условием конструирования является от-

бор лишь тех элементов из поведения образцов человеческих взаимодействий, которые отражают типичные действия, причем все участники взаимодействия ведут себя рационально в пределах условий, средств, целей и мотивов, общих для всех участников или распределенных между ними определенным образом [7, с. 45]. Самым ярким выражением состояния социальных связей и отношений является разделение людей по социоструктурным признакам.

Нельзя не согласиться с П. Бергером и Т. Лукманом, которые считают, что «социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образов взаимодействия» [1, с. 59].

В социологических публикациях по социальной структуре российского села еще сохраняются традиционные классификации, в основу которых положено содержание труда. Например, Ф.Г. Зиятдинова и Е.И. Кучаева выделили девять групп, составляющих современный сельский социум [2, с. 119–120]. Этот подход применим для территорий, в которых сохраняется перспектива занятости жителей села в крупных сельскохозяйственных организациях, где совпадают профессиональная подготовка и вид занятости: механизатор работает на сельскохозяйственной технике или в ремонтной мастерской, животновод на ферме, агроном занят внедрением новых технологий, разнорабочему также находится какая-нибудь полезная занятость. Однако такая ситуация не является типичной для российской агросферы. Так, в течение 2003–2005 гг. на территории Новосибирской области происходило непрерывное увеличение числа «безработных» сел. В этот период их количество возросло в 1,7 раза (со 145 по 249), а количество жителей такого рода поселений увеличилось в 2,5 раза, что свидетельствует о том, что в орбиту «неблагополучия» стали попадать и более крупные населенные пункты. По сравнению с состоянием на 01.01.2004 г. положение населения 124 «безработных» сел и деревень через год (на 01.01.2005 г.) практически не изменилось. Хотя в 51 населенном пункте появились предприятия (в основном малого бизнеса), но они способны обеспечить работой очень малую часть трудоспособного населения. При этом 125 деревень и поселков попол-

нили список населенных пунктов, в которых отсутствовал реальный работодатель.

За период с января 2004 г. по январь 2005 г. в 2 раза увеличилось число проживающих в «безработных» селах. В результате безработы оставались как жители множества мелких деревень и поселков, так и живущие в крупных поселениях, где более половины трудоспособного населения были ранее заняты именно на сельскохозяйственных предприятиях, оказавшихся банкротами [3, с. 195–197].

Факты, характеризующие пространство трудовой занятости в селах Западной Сибири, характерны и для Европейской части сельской России. Никаких серьезных предпосылок для улучшения ситуации здесь нет. Хотя плотность городов, которые могли бы принять часть сельских жителей в качестве возвратных или «маятниковых» мигрантов, здесь выше, но средние, особенно малые города сами трудоизбыточны. Не случайно на федеральном уровне обсуждается проблема переселения трудоспособных жителей моногородов в другие места. В этих условиях декомпозиция устойчивости жизненного пространства, человеческого потенциала села и способов его реализации неизбежна.

Понятно, что и алгоритм стратификации, действовавший в советское время в промышленной сфере и частично в аграрной, не имеет подходящей почвы на современном этапе существования агросферы. Не лучше ситуация и с поиском на селе среднего класса. Некоторые социологи переоценивают информативную значимость вопроса «К какому классу Вы себя относите – высшему, среднему или низшему?», не учитывая того, что обыденное конструирование не выходит за пределы сравнения простых клише «живем как все, то есть средне, хуже других, лучше других людей», находящихся в ближайшей среде, и не более того. Респонденты по определению не могли быть знакомы с теориями Коула, Миллса, Кастельса, Райта, и потому применяемый ими критерий разделения типов людей ограничен узким горизонтом опыта повседневных взаимодействий, и чем дальше удалены от повседневности области знания, тем они менее доступны личной интерпретации.

Существуют несколько подходов к выделению среднего класса, но авторы любых

из них волей-неволей вынуждены говорить и об остальных, высшем и низших классах. При этом экономический критерий, как пишут Н.Е. Тихонова и С.В. Мареева, «должен иметь определенное теоретическое обоснование, обусловленное спецификой места среднего класса в социальной структуре общества... средний класс должен иметь такой уровень доходов, который позволяет ему обеспечить по меньшей мере простое воспроизводство себя как класса и своего человеческого капитала как основного актива, приносящего ему доход» [6, с. 89–90].

По этому критерию к среднему классу определенно относятся крупные фермеры, мажоритарные акционеры АО, разные типы менеджеров федерального и регионального управления агросферы. Их *character indelebilis* (неизгладимое свойство) – быть «небожителями» по сравнению с основной, самой многочисленной частью, почти не соприкасаться с ней, зачастую не понимать реальных проблем села. Эта страта заслуживает особого рассмотрения. У нее есть научно непроблематизированные аспекты жизнедеятельности, но гораздо больше их у подавляющей массы сельских жителей, поэтому мы сосредоточимся на них. На наш взгляд, анализировать положение социальных групп, включающее текущие аспекты, потенциальные шансы на продвижение, объективные и субъективные установки их членов, наиболее перспективно опираясь на веберовское наследие. Он, как известно, при определении места в социальной структуре делал акцент не на один экономический признак, а на культурные и социальные особенности индивидов и социальных групп. Для Вебера особый интерес представляли схожесть жизненных шансов индивидов, интересов, поведения, стиля жизни, что означало применение при анализе неравенств не одной, а нескольких стратификационных иерархий.

Применяя неовеберовский подход к стратификационному анализу слоя предпринимателей, В.В. Радаев соединил первый элемент классической триады – классовые позиции – с собственническими, социально-профессиональными и материальными позициями; второй элемент – статусные позиции, с уровнем престижа группы, стилем жизни, нормативными и ценностными ориентациями. Тре-

тий – политические позиции, позиционировал через участие в политических структурах и коллективных акциях (собрания, митинги) и электоральное поведение.

В.В. Радаев подчеркивает, что между этими тремя основными блоками нет однозначных причинных связей, но достоинство схемы в богатстве содержания и методологической открытости, хотя она и перегружена критериями и показателями [4, с. 51–52].

Рассмотрим, как работают критерии неовеберовского толка в отношении сельского населения. Начнем с собственнических, социально-профессиональных и материальных позиций. С первых лет аграрной реформы и на сегодняшний день сельские жители получили право на владение земельными долями – признак, который мог бы претендовать на роль ведущего элемента структурирования. С точки зрения нормативной ориентации, казалось бы, сомнений по этому поводу быть не должно. Однако в реальности владельцы земельных долей демонстрируют иную рациональность, которая вполне объяснима. Во-первых, они не имели (и за 20 лет реформ ничего не изменилось в лучшую сторону) средств, чтобы выделить участки в замкнутых границах. Во-вторых, данная операция, поскольку она платная, была и остается нерациональной с точки зрения семейного бюджета. Семья могла бы за счет дополнительных усилий заработать нужную сумму, подобно тому, как она это делает, чтобы оплатить учебу детей в учебных заведениях. Но она этого не делает, так как возделывание земли своими силами – задача неподъемная с учетом своих ресурсов, да она к тому же противоречит установке, чтобы дети наследовали не крестьянскую, а городскую жизнь.

И хотя мы должны исключить земельную собственность из числа основных элементов конструирования, нельзя сбрасывать со счетов то, что среди сельских семей нашлось немало тех, кто нормативно оформил участки своей семьи да еще и арендовал их у односельчан. Таким образом, эта часть индивидов тоже является образцом социального взаимодействия, претендующая на то, чтобы его типизировать в конструкте как модель, которая может получить гораздо большее или меньшее распространение в агросфере за счет варьирования условий, поддерживающих этот тип.

Итак, анализ рациональных действий в отношении земельных долей, собственности на которые явилась, пожалуй, совершенно необычной новацией сельской реальности, так как помыслить и допустить ее могли предки современных крестьян лишь накануне сплошной коллективизации, позволяет выделить один тип – фермерство.

Следуя выдвинутой выше схеме научного конструирования сельской реальности посредством обращения к рациональным действиям субъектов-образцов человеческого взаимодействия, рассмотрим весь состав сельского сообщества усредненного российского села в контексте его структурирования. Внешне жилой комплекс села довольно однообразен. Дома, построенные как индивидуально, так и за счет средств колхозов и совхозов, а затем приватизированные жильцами, почти не отличаются друг от друга. Если среди них и появляются особняки горожан, то их владельцы никак не влияют на повседневность жизни коренных жителей. На первый взгляд, социальная реальность сельских семей включает множество схожих взаимодействий и аналогов. Например, и пожилой, и молодой механизаторы живут примерно в одинаковых домах, ухаживают за животными на подворье, принимают гостей и т. д. Тот и другой могут иметь или не иметь автомобиль, другую технику, более или менее достаточное количество скота на подворье. Причем сами ресурсы обеспеченности их семей не стабильны. Крупные события – выдача замуж дочери, женитьба сына и т. п. – могут привести к полной распродаже скота, чтобы достойно справить свадьбу. Следовательно, дело не в накопленном достатке, а в способах его поддержания, и является существенным как для близких, так и для отдаленных перспектив жизни большинства сельских жителей. Поэтому гармонизация повседневности в этом аспекте выступает в качестве ведущего элемента научного конструирования сельской реальности. Отсюда и типология разделения сельского сообщества в основном замыкается на способах обеспечения благополучия семей. Иерархия и организация этого имеет свои особенности. В первую очередь она зависит от уровня деятельности организаций, их территориальной доступности и во-

обще от наличия в местах обитания развитой инфраструктуры. Наличие фермерского хозяйства в селе, проходящая вблизи железная дорога, трубопроводы, автомобильная магистраль тоже позволяют либо непосредственно получить оплачиваемое рабочее место, либо относительно регулярно сбывать выращенное на приусадебном участке и собранные дикорастущие продукты. Влияет и специфика природного ландшафта, благодаря которому проходит специализация. В одном месте в продаже преобладает пчеловодство, в другом выращивание бахчевых, в третьем картофель.

При такой широкой номенклатуре способов обеспечения благополучия всегда имеется ведущий способ, выбор которого связан с его стабильностью, даже если он и не покрывает полностью нужды семей. Например, бывший главный инженер колхоза после его распада работал инженером у фермера, одновременно на подворье содержит две сотни кроликов, несколько ульев, много гусей и кур. Из числа других членов бывшего колхоза те, кто получил на имущественную долю трактор или автомобиль, превратили их также в ресурс для заработка. Нанимаясь на сезонные работы в СПК или у фермера, они имеют не одни рабочие руки, но и собственные частные предметы труда, что повышает уровень оплаты времени, проведенного на наемной работе.

Еще одной группой являются мелкие фермеры, как оформленные, так и не оформленные в соответствии с нормами институционализации фермерства.

Сибирские социологи З.И. Калугина, О.П. Фадеева, А.М. Сергиенко обратили внимание на еще одну группу, позиционирующую себя как многосторонние умельцы по ремонту техники, распространенной на селе – от сепараторов по переработке молока до телевизоров и автомобилей. Такие самородки, без которых сельским жителям пришлось бы совершать разорительные поездки с бытовой техникой в города или вызывать мастеров по наладке к себе (что все равно обходится недешево), действительно востребованы. Особенно если учесть, что многие семьи не имеют средств и не в состоянии обновить бытовую технику. Однако такой заработок эпизодичен и невелик, на него прожить невозможно, что ставит под вопрос типизацию этой ча-

сти сельских жителей в социоструктурном контексте. Однако практики подсказывают возможные варианты конституирования типа «умельцы» в самостоятельную группу. В ряде крупных сел открываются, как правило, при помощи внешних инвесторов мастерские автосервиса, услугами которых широко пользуются автомобилисты окрестных сел и проезжающие через поселения автотуристы.

В преодолении ограничений поддержания благополучия в непосредственной среде обитания последние два десятилетия получил распространение институт неаграрного трудового отходничества. Хотя им пользуются сотни тысяч сельских жителей, выделение их в устойчивую социоструктурную группу не оправданно. Более адекватным их статусу будет название полукрестьяне, потому что они, выбывая на месяцы, а то и годы на заработки, не порывают со своим сельским подворьем. При сбоях в местах отходничества они возвращаются к сельскохозяйственной деятельности, в том числе и по найму у фермера или в акционерном обществе, производственном сельскохозяйственном кооперативе.

В условиях рынка на селе стало заметно повышение статуса пенсионеров по возрасту. Основная причина в том, что от них, имеющих хоть небольшую, но регулярно получаемую пенсию, стали зависеть более молодые жители, но не регулярно зарабатывающие живые деньги. Пенсионеры приобрели статус местных кредиторов. Удельный вес работников умственного труда, занятых в социальной сфере села, в последние два десятилетия значительно уменьшился по причине сокращения поселений, закрытия школ и медицинских учреждений, не соответствующих нормативам, которые введены недавно органами власти. Число специалистов-технологов в современных сельскохозяйственных организациях также резко уменьшилось, так как последние по своей производственной структуре в них почти не нуждаются, полагаясь на крестьянский опыт рядовых механизаторов.

Таким образом, в низовой, самой крупной части агросферы – сельском социуме, произошли изменения социальной структуры, которые лишь частично можно описать в терминах неовеберовской модели. Что касается традиционного подхода, применяемого в

советские годы к типологиям внутри рабочего класса и крестьянства, то он все дальше отходит от современных реалий, вернее реалии не охватываются конструктами, потому что произошла статусная декомпозиция практически всех групп сельского населения. Выдвижение на доминирующее место способа поддержания материального благополучия, которое произошло из-за переструктурирования всех компонентов организации внутрисельской жизни, сломало связь между уровнем образования и трудовыми позициями, квалификацией и ее вознаграждением, личными самооценками и реальным престижем в сообществе.

В делении на типы внутри сельской социальной структуры особую роль стали играть высокий полипрофессионализм и организационные способности (фермер, крепкий хозяин подворья, стабильный отходник на энергоперерабатывающие промыслы Севера или столицы). Сельские жители, не обладающие таким потенциалом, попали в ситуацию отстранения от общественной хозяйственной жизни. Для менеджмента коллективных хозяйств и фермеров они представляют интерес эпизодически, в основном как сезонная рабочая сила, для местных органов власти как электорат, то есть тоже опять-таки через большой промежуток времени. Но они, как и все другие группы, обладают потенциалом осуществлять коллективные действия, поддерживать в сообществах определенное социальное самочувствие в проекции гемайншафт, что имеет обнадеживающие перспективы для научного конструирования сельского жизненного пространства агросферы.

Степень радикальности изменений в агросфере – от распада до подлинного возрождения – следует рассматривать в контексте общей социально-экономической ситуации в стране и применяемых доктрин достижения позитивных сдвигов. Появление Приоритетных национальных проектов «Развитие АПК» а затем «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» некоторыми учеными было воспринято как начало стратегии возврата отечественной агросферы на место, которое она заслуживает с точки зрения ее роли в жизни общества. Другие вооб-

ше ждали перелома негативных тенденций, заложенных реализацией «шоковой терапии», которая пронизывала все реформы в стране, в том числе и аграрную.

Само построение работ по управлению сельским хозяйством, как правило, начинается с успехов, которые принесли Приоритетные национальные проекты и Программа развития сельского хозяйства (2008–2012 гг.). Но если начать с общего аграрного пространства потребностей в получении помощи, точнее создания надлежащих условий для хозяйствования, то и ПНП и Программа предстают всего лишь как зондаж того, как отзовется аграрная сфера на государственное содействие, которое организовано в основном на коммерческих началах.

В агросфере страны действуют более 7–8 тысяч крупных и средних сельскохозяйственных предприятий, 263 тыс. фермерских, 16 млн семейных хозяйств (ЛПХ) и 18,8 млн индивидуальных садов и огородов. Например, в 2007 г. на их поддержку было выделено 1,2 млрд рублей. Если на этом же уровне, причем не прямо, а через «Россельхозбанк» будет выделяться такая же сумма и впредь, то до слабых хозяйств помощь дойдет через много десятков лет, и процессов распада в первую очередь деревни, безвозвратной утраты ее населения не миновать.

Отмечен целый ряд противоречий и разного рода нестыковок при воплощении проектно-программного воздействия на отечественную агросферу. Среди них исследователи (З.И. Калугина, О.П. Фадеева, 2009 г.) выделили:

1. Столкновение интересов крупных специализированных производителей и мелкоаграрных хозяйств населения, последние проигрывают в техническом и финансовом плане.

2. Закрепление неравенства возможностей «сильных» и «слабых» коллективных хозяйств для перепрофилирования производства, которое произошло из-за того, что сильные хозяйства более активно использовали открывшуюся государственную помощь для своих целей.

3. Отсутствие государственного контроля за ростом цен на топливо, в машиностроении, торговле, отсутствие стабильных цен на зерно ослабили позитивное влияние проектов на решение сельских проблем, что содержало угрозу перераспределения доходов сельских

производителей в пользу неаграрных отраслей, непринятие сопряженных институциональных условий, обеспечивающих выживание аграрных производителей в связи с возможными рисками нарушения сроков погашения кредита.

4. Избыточная жесткость условий модернизации животноводства, исключающая использование льготных кредитов на сопряженные цели (не предусматривалось, например, приобретение автомобиля для вывоза продукции на рынок), снижала экономическую эффективность проектирования.

5. К этому следует добавить игнорирование психологических факторов, консервативности сельских жителей в отношении к новациям, не проверенным практикой. Только в моделях, придуманных в офисах столиц, нет противоречий, в реальности владельцы семейных хозяйств, проектируя взять льготный кредит и завести малые формы агропроизводства, видят гораздо больше угроз, которые могут выбить их из колеи устоявшейся жизни.

Вместе с тем аналитики отмечают, что финансовое содействие даже в небольших масштабах инициирует определенные позитивные сдвиги, которые, на наш взгляд, можно рассматривать как паттерны возрождения агросферы.

В мировой практике сложились модели поддержки сельского хозяйства и производства продуктов питания как ценовыми, так и неценовыми методами, которые в обоих случаях все равно укладываются в рамки рынка на непосредственной раздаче ресурсов. Можно считать безусловно доказанным фактом недостаточность государственной помощи отечественной агросферы по основным направлениям реализации ее функций: экономических, социальных, социокультурных. Недостаточное финансирование – это только одна сторона проблемы. Агросфера включена в народное хозяйство страны, и то, как действуют, какую стратегию реализуют другие отрасли, безусловно, отражается на ней. Существуют препятствия для сельскохозяйственных организаций в приобретении химических удобрений, гораздо выгоднее приобрести тракторы из Беларуси, а не у отечественных производителей техники. Такая ситуация хотя и представляется парадоксальной, но она не является неожиданной, так как имеет корни в прошлых практиках сельского хозяйства.

Отсюда следует, что еще одним методологическим требованием конструирования агросферы является обращение к ее прошлому, к опыту ее новейшей истории.

Эффективность реформ обеспечивается не только глубоко продуманными проектами и технологиями современных изменений, но и тем, насколько они коррелируются с актуальной культурой жителей. Первой проблемой и зондажем потенциала самостоятельности хозяйствования явились институты аренды и подрядных коллективов, которые пытались внедрить местные руководители в колхозах и совхозах. Однако их самостоятельность была сильно ограничена, поскольку никакими средствами производства они не владели и результатами их труда распоряжалось руководство сельскохозяйственных организаций. Хотя этот институт не являлся неким «плановым» или стратегическим экспериментом по выявлению способности крестьян к самостоятельному хозяйствованию, он сыграл определенную когнитивную, к сожалению, никем не оцененную роль в контексте будущего выбора сельскими сообществами и отдельными индивидами варианта своего участия в новых укладах. Одних, наиболее инициативных он подтолкнул либо к созданию фермерских хозяйств, либо укрупненного семейного хозяйства. Других, испытавших немало неурядиц, когда они участвовали в подрядном и арендном формировании или вообще не включались в них, сориентировал на выбор коллективных хозяйств (АО, ТОО, СПК).

Приведем пример из книги бывшего директора совхоза А.И. Дмитриева:

В 1980–1981 годах мы помогли организовать подрядному коллективу по откорму молодняка крупного рогатого скота. Сказали звену, чем больше добьетесь привесов, тем больше составит по итогам ваша зарплата. Условия созданы, – казалось, жди хороших результатов. Что же получилось? Рабочие два года водили администрацию, как говорится, за нос. Работали, пока можно было рассчитывать на хорошие привесы, да на хорошую зарплату, а настала осень, корма, естественно, стали похуже, больших привесов ждать нечего, – запросились все как один в отпуска, да по неотложным причинам: кому подлечиться надо, кому срочно выехать к ближайшим родственникам и т. д. Администрация пошла навстречу работникам. Временно наняли других людей; те, конечно, не очень за-

интересованы – привесы на откорме крупного рогатого скота упали еще больше. Возвратилось наше подрядное звено из отпуска, опять усиленно трудится. Привесы растут, зарплата тоже, поскольку с заниженной «точки отсчета» счет пошел. Схитрили рабочие. На осенний период им выгодно было снижение результатов своего труда. Что же на таком подряде стало для них главным? Не конечные результаты, не успехи хозяйства, а максимальный выигрыш в «организационных» играх с начальством. Очевидно, что дело не только в том, разумна или неразумна увязка итогового труда и человека. Вопрос еще в уровне культуры, приобретенном последними поколениями сельских тружеников. Культура эта весьма отдаленно напоминает другую, подлинно крестьянскую, которая складывалась веками в гуще народной жизни. Читаешь сейчас Глеба Успенского или Александра Энгельгардта – видишь, что даже в общие (пусть на локальном уровне!) была согласованность между «моим» и «нашим»! Теперь же в сознании сельчанина общественная собственность воспринимается как «ничья», как «казенное» и отношение к ней соответственное. А что стоит за этим? Грубо обработанные поля, недоенные коровы, разваливающиеся постройки...

На базе восьмилетнего внедрения внутрисовхозного хозрасчета автор сделал ряд выводов, которые хотя и охватывают многие аспекты, но сегодня уже кажутся наивными. Аренда приживается плохо, прежде всего потому, что с крестьянином по-прежнему ведется нечестная игра, то есть помимо собственного расчета «контора» на всякий случай учитывает труд по старым нормативам. Каких-либо прав выхода на самостоятельные связи с контрагентами, то есть без посредничества совхоза, тоже нет. Упрекал автор и так называемую «внешнюю систему» (банки, торговля, снабженческие организации и т. д.), которые оказались неприспособленными к условиям хозяйствования новых субъектов. Автор отмечает также, что многие рабочие совхоза долго равнодушно воспринимали технологию работы в условиях управляемой самостоятельности.

По утверждению Г. Эспингс-Андерсона, чтобы понять сегодняшнее общество и особенно его будущее, «было бы неплохо сравнить динамику современных когорт с динамикой когорт прошлого». «Решение проблемы, – пишет далее автор, – состоит в применении сравнительного метода и в сталкивании исторически удаленных истоков явления с первыми проявлениями (авангардом) будущего, которое

зарождается в современности, а также в сборе и тщательном исследовании максимально большого количества данных» [8, с. 263–264]. Для этого нужно знание истории, науки, имеющей специфический методологический базис, глубокое обоснование методик, свои традиции. И здесь мы согласны с Эспингс-Андерсоном, что социолог, берущийся за историю, вполне может оказаться историком второго сорта. Сознавая эту опасность, мы обращаем внимание на то, что ретроспективное рассмотрение явлений и процессов – обычный прием, широко распространенный среди экономистов, политологов, демографов, культурологов. Нет никаких оснований, чтобы не оказались в этом ряду и социологи. Вопрос, с какого исторического этапа начинать анализ, – выбор автора на основе логики, гипотез и специфики предмета исследования.

Проекция идеи «исторического» анализа на российскую агросферу имеет ограничения, связанные со спецификой предмета исследования. Облик агросферы с ее главным действующим лицом – человеком, с нормативными и традиционно сложившимися на месте характеристиками ее места в государстве и обществе, охватывает срок жизни двух-трех поколений, то есть около 50 лет, считая от сегодняшнего дня. За этот срок в жизни села было немало новаций, инициированных властью, самое крупное из них, кардинально меняющее социальное положение его жителей, отношения по поводу собственности и само отношение государства к агросфере, произошло два десятилетия тому назад, воплощенное в конструкции под названием аграрная реформа.

Несмотря на решительный разрыв, по крайней мере, институционально с колхозно-совхозными реалиями, многое из прошлого перешло в настоящее, как это неизбежно происходит по законам социальной преемственности.

Методологическая целесообразность анализа современного состояния экономики,

социальной и духовной составляющих агросферы с позиции их состояния в глубине прошедших десятилетий открывает пространство не только с позиции состоявшегося, но и так, как если бы в них реализовались варианты возможностей, а это важно в контексте конструирования будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 10-03-00500а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Akademia-Центр : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Зиятдинова, Ф. Г. Российское село в рыночных условиях / Ф. Г. Зиятдинова, Е. И. Кучаева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 200 с.
3. Калугина, З. И. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки / З. И. Калугина, О. П. Фадеева. – Новосибирск : Изд-во ИЭОП СО РАН, 2002. – 339 с.
4. Радаев, В. В. Стратификационный анализ постсоветской России: неовебериянский подход / В. В. Радаев // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. – Вып. XI. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 1999. – С. 46–59.
5. Староверов, В. И. История и теория социологического анализа российской агросферы / В. И. Староверов. – М., 2009. – 436 с.
6. Тихонова Н. Е. Средний класс: теории и реальность / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева. – М. : Альфа, 2009. – 320 с.
7. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
8. Эспингс-Андерсон, Г. Два общества, одна социология и никакой теории / Г. Эспингс-Андерсон // Журнал исследований социальной политики. – 2008. – Т. 6, № 2. – С. 241–266.

**METHODOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL CONSTRUCTING
IN RUSSIAN AGRICULTURAL SPHERE**

P.P. Veliky

The article concerns various ways of social modeling of agricultural sphere as a complex system with bioecological, technological, economical and social and cultural aspects of analysis. The author analyses the possibilities of social and structural description of rural life in frames of phenomenology and neo-Weberianism, substantiates the necessity to refuse traditional descriptive models of a village social structure in view of deep status decomposition of all population groups. The author describes a specific role of a way of prosperity provision as a sign of stratification.

***Key words:** agricultural sphere, social structure, everyday life practices, social status, a way of prosperity provision, phenomenological sociology, neo-Weberianism, agricultural sphere planning.*